

Светлана Алешкина

Алиби
с гулькин нос

ЭКСМО

Новая русская

Светлана Алешина
Алиби с гилькин нос

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Алиби с гилькин нос / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Новая русская)

С того дня, когда была жестоко избита и изнасилована семнадцатилетняя Леля Величкина, прошло немало времени. Поэтому поиск преступника милицией ничего не дал: девушку парализовало, она долго была без сознания и не могла дать никаких показаний. Сострадание заставило частного детектива-любителя Ларису Котову, жену «нового русского», взяться за это дело. И одной из первых зацепок в расследовании стал рассказ матери Лели – накануне визита Котовой она перевозила дочь через дорогу в инвалидной коляске и увидела, как изменилось лицо девушки, когда мимо промчалась ярко-красная машина с тонированными стеклами и помятым крылом. Сердце подсказало матери – автомобиль как-то связан с тем, что случилось с ее дочерью...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Алиби с гулькин нос

Глава 1

«Чтоб вам всем пусто было!» – зло подумал Котов, выходя из здания городского управления ГИБДД.

Евгений пребывал в ужаснейшем настроении. И надо сказать, это было совершенно оправдано. Всего пару часов назад его угораздило пойти на обгон на пригородной трассе. Но он не учел, что в любителях обгонять числится не он один. И тот владелец зеленой «девяносто девятой» тоже был русским и отдавал предпочтение быстрой езде. Они столкнулись как раз в тот момент, когда Евгений уже уверился, что благополучно сделал этого пижона, и ликовал в душе. Котов даже не понял, как это вообще могло произойти. К счастью, столкновение не принесло особых травм обоим водителям, но каким-то образом оно негативно повлияло на способность джипа «Чероки» к нормальной езде. Джипу требовался ремонт.

Инспектора, исследовав обстоятельства аварии, пришли к выводу, что оба водителя виноваты одинаково, и предоставили возможность им самим регулировать взаимные претензии. Котов хорохорился, доказывая своему оппоненту, что именно тот виноват в аварии. Однако молодой человек никак не хотел этого признавать и стоял на своем. Более того, этот хам даже требовал от Котова компенсации. Особое негодование Евгения вызвали угрозы незнакомца подключить каких-то «солидных людей». Евгений и сам мог это сделать, более того, он самого себя причислял к таковым. Тем не менее конфликт закончился, что называется, ничем, и после получасовой дискуссии Евгений плюнул, правда не решившись этого сделать в лицо обидчику, и удовлетворился плевок ему под ноги. Потом круто развернулся и произнес эту самую сакральную фразу: «Чтоб вам всем пусто было!» – сначала мысленно, а потом вслух. Он уже не слушал твердившего как попугай одно и то же своего оппонента что-то там про солидных людей, а, закурив на ходу сигарету, вынул мобильник и с кислым видом набрал номер ресторана «Чайка».

Там работала его жена Лариса. Вернее, не работала, а владела этим рестораном. Ей-то и собирался Евгений сообщить печальную новость о временной утрате джипом дееспособности. Евгений даже хотел попросить Ларису одолжить ему на время ее машину. Поскольку считал, что автомобиль ему нужнее, чем ей.

«В конце концов, ресторан находится в десяти минутах ходьбы от дома, – думал Евгений. – Ну, в пятнадцати. Пешком походит, ничего страшного».

Однако Лариса была не в очень хорошем расположении духа. У нее с утра возникли проблемы в ресторане – отключили воду, чтобы усложнить работу в кухне. Более того, администратор Степаныч мрачно сообщил ей, что среди персонала завелся вор. Он сделал этот вывод на основании того, что из холодильника пропал большой кусок мяса. Ладно бы еще, если бы это был казенный, а то данный кусок приобрел сам Дмитрий Степанович очень задешево. Для этого он специально мотался на другой конец города на автобусе, о чем и сообщил Ларисе, не уточнив лишь, что занимался этим в рабочее время. Он даже не отдал его своей теще, зашедшей в ресторан к зятю с запиской от его супруги, считая, что «эти старые обезьяны» без его руководства приготовят его не так, как следует по его мнению.

– Вы у нас известный сыщик, – кипя возмущением, шумно выдыхал воздух Степаныч. – Вот и занялись бы этим делом! А то уже ни в какие ворота – не ресторан, а проходной двор! Кто мне теперь убытки возместит?

– Ну только не я! – отрезала Лариса. – Я у тебя мясо не крала.

– А кто же, кто? – начал заводиться Степаныч. – Я вас безмерно уважаю, Лариса Викторовна, но надо вам сказать, что если вы и дальше будете столь легкомысленны, то в конце концов сами станете жертвой этого клептомана! Я понимаю еще, если бы украли деньги, но мясо! Мясо! Н-да... – почесал затылок Степаныч. – Наверное, я чего-то действительно не понимаю в этой жизни...

Лариса хотела что-то ответить, но как раз в этот момент и раздался звонок мужа. Услышав о том, что случилось с его машиной, Лариса нахмурилась. А выслушав просьбу одолжить Евгению свою «Вольво», нахмурилась еще больше. Она со скептическим видом дослушала Евгения до конца, после чего решительно заявила:

– Ну вот что, мой дорогой. Свою машину я тебе не дам, и не мечтай.

– Лара, но это же неразумно! – возопил Котов. – Я не могу без машины!

– Одолжи еще у кого-нибудь, – пожалала Лариса плечами.

– У кого же я одолжу? Всем нужна машина...

– Ну вот и мне тоже нужна, – отрезала Лариса и, усмехнувшись, добавила: – Попробуй договориться со Степанычем.

– Чтобы я сел на его драндулет? – возмутился Котов. – Ну уж нет, спасибо, лучше пешком ходить!

– Вот и походи, – ответила Лариса и нажала кнопку отключения связи.

– Насчет чего это там договариваться? – подозрительно спросил Дмитрий Степанович. –

И с кем?

– Да вот Евгению Алексеевичу срочно машина нужна.

– А свою он, что же, за долги отдал? – язвительно спросил Степаныч.

Они с Котовым терпеть не могли друг друга, и словесный, да и не только, поединок между ними продолжался с незапамятных времен. И теперь Городов не мог упустить возможности выяснить все подробности, чтобы при случае оперировать ими против Котова. К тому же сыграло роль его природное непомерное любопытство.

– Разбил, – коротко ответила Лариса.

– А я предупреждал! – ехидненько погрозил Ларисе пальцем Городов. – Я предупреждал! А вы меня не слушали! Вот вам алкоголизм!

– Мой муж не пьет, – холодно сказала Лариса.

– С каких это пор? – продолжал язвить Степаныч.

– Уже полгода, и тебе это хорошо известно. И кстати, хочу тебе прямо заявить, что, если ты еще хоть раз попытаешься ему помешать вести трезвый образ жизни, я тебя просто вышвырну вон! – неожиданно разъярилась Лариса, указывая Степанычу на дверь.

Тот будто налился спелым помидорным соком, но перечить не стал и скрылся за дверью, что-то недовольно бурча себе под нос. Лариса только закурила, чтобы успокоить нервы, как телефон зазвонил снова.

– Да! – рявкнула Лариса, уверенная в том, что это опять Котов со своей утомительной просьбой.

– Лара, привет, – послышался тихий удивленный голос сестры Ларисы, Татьяны. – Что-то случилось?

– Да нет-нет, – тут же успокаивающе проговорила Лариса. – Извини, пожалуйста, рада тебя слышать. Как поживаешь?

– Да у меня все по-прежнему, – сказала Татьяна. – Какие могут быть интересные новости, когда работаешь в школе? Зарплату вот жду второй месяц...

– А Валентина как? – осведомилась Лариса о племяннице.

– Да как? – вздохнула Татьяна. – Нового какого-то себе нашла... Не знаю уж, что из этого получится, я теперь не вмешиваюсь. Замуж ей надо, а она неизвестно о чем думает.

– Понятно, – протянула Лариса: об этих проблемах она знала давным-давно. Поэтому она слушала, что еще скажет сестра, но Татьяна молчала и как-то смущенно вздыхала в трубку. – Ну что там еще у тебя такое? – не выдержала Лариса, решив, что сестра хочет занять у нее денег до зарплаты.

– Да ты понимаешь, Лара, тут одна история произошла очень неприятная, – заговорила Татьяна. – Не со мной, нет, с моей коллегой одной. Я, может, и не стала бы к тебе обращаться, но история уж больно жуткая. И касается ее дочери.

– А что с ней случилось? – достаточно равнодушно поинтересовалась Лариса.

– Даже язык не поворачивается сказать, – Татьяна понизила голос. – Одним словом, изнасиловали ее и изуродовали всю. Инвалидом сделали, она теперь парализована совсем.

– Ничего себе! – невольно вырвалось у Ларисы. – И что же ты от меня хочешь?

– Да не я, а Тамара Константиновна хочет. Чтобы выродков тех нашли, которые ее дочь...

– А дочь знает их? Приметы помнит? – уточнила Лариса, имея в виду пострадавшую.

– Я же говорю, она парализована. Даже говорить не может. С ней Тамара Константиновна как с дитем малым нянчится, работу пришлось бросить...

– А сколько ей лет?

– Семнадцать только исполнилось. В медицинском училище она учится. Вернее, училась, – вздохнула Татьяна.

– А когда с ней случилось это несчастье?

– Месяц назад.

– А почему же Тамара Константиновна только теперь обращается ко мне?

– Это она сама тебе расскажет, – проговорила Татьяна. – К тому же она не знала про тебя, что ты занимаешься частным сыском, а тут зашла на днях в школу, и я как-то проболталась без всякой задней мысли, вот она и уцепилась, третий день от меня не отстает, – виноватым голосом закончила Татьяна.

– Ну что ж, – задумчиво проговорила Лариса. – Сейчас я занята, на работе возникла куча проблем... А вечером могла бы уделить ей время. Думаю, будет лучше, если вы с ней придете ко мне домой. Она может оставить дочь на кого-то?

– Она оставляет ее иногда одну, но ненадолго. Или соседку просит присмотреть. Девчонка-то совсем беспомощная.

– Ну, ради такого случая, полагаю, она найдет выход, – ответила Лариса. – Итак, жду вас вечером, часов в семь. Устроит?

– Да, спасибо, – обрадованно проговорила Татьяна и попрощалась до вечера.

К обеду воду, слава богу, дали; Степаныч, втянувшись в рабочий процесс, на время позабыл об утрате куска мяса, и Лариса уже более спокойно провела остаток дня. Однако когда она вернулась домой, настроение ее снова начало портиться, поскольку этому усилению способствовал Котов. Едва дождавшись Ларисы, он тут же провел ее в кухню и, уныло ходя из угла в угол с сигаретой в руках, начал рассказывать жене о том, какие все-таки козлы ездят по улицам. В его критических оценках Лариса нашла много общего с оценками Степаныча, у которого тоже все автомобилисты были «мудаками и педиками». Кроме него самого, разумеется.

– И главное, только что новые амортизаторы поставил, помнишь, Лара? – удрученно говорил Котов, качая головой. – И в считанные секунды все коту под хвост! Нет, я не намерен этого так оставлять! Я к губернатору пойду!

– У него автомобиль одалживать? – устало спросила Лариса, утомленная всеми проблемами сегодняшнего дня, который принес одни негативные события.

– Нет, нужно поставить на место зарвавшихся недоносков! – с пафосом воскликнул Котов. – Тем более что теперь губернатор благоволит к нам. Спасибо Асташевскому, нашел входы-выходы.

Лариса машинально кивала. Да, в прошлом Котов и его компания были в опале у областных властей, но сейчас ситуация изменилась. Посодействовал старый друг семьи, лекарственный монополист Станислав Асташевский. И тут внезапно Котов ликующе воскликнул:

– Эврика! Стас! У него же «БМВ» стоит без всякой пользы в гараже. А мне вполне достойная замена. Как ты считаешь, Лара?

– Ну, может быть, и достойная, – вяло ответила Лариса.

– Нет, я не про это, – махнул рукой Евгений. – Как ты думаешь, одолжит?

– Позвони да узнай.

Котов, почувствовав равнодушие к своим проблемам жены, обиженно отвернулся. Потом взял телефонную трубку и пошел в свою комнату, чтобы, видимо, позвонить оттуда. Лариса, у которой начала болеть голова, облегченно вздохнула. Но побыть в спокойном состоянии ей долго не удалось: вскоре опять зазвонил телефон, и Лариса, сняв трубку, услышала виноватый голос своей сестры.

– Лариса, ты, пожалуйста, не сердись, – заговорила Татьяна, – но тут вот проблема возникла... Дело в том, что Тамара Константиновна никак не может отлучиться. Ну просто никак. Леля плохо себя чувствует, ее невозможно оставить одну.

– Ну... – вставила Лариса, уже обрадованная тем, что ей не придется сегодня ни с кем встречаться. Однако Татьяна продолжала:

– Она тебя очень, очень просит приехать к ней. Она специально приготовила вкусный ужин, чтобы тебя угостить... Лариса, мне так неудобно, но, пожалуйста, приезжай, а? Это совсем недалеко...

Лариса, настроение которой и так было далеко от безоблачного, совсем не обрадовалась подобной перспективе. А уж к обещанию накормить ее вкусным ужином и вовсе отнеслась скептически. Уж ей-то, хозяйке лучшего в Тарасове ресторана, которая каждое из экзотических блюд, подаваемых в ее заведении, легко могла приготовить в домашних условиях, трудно было угодить в этом плане. К тому же день и без того был очень суматошным, и теперь подниматься и ехать куда-то ей совершенно не улыбалось, тем не менее она нехотя спросила:

– Где это – недалеко?

– Это район Колхозной площади, дом очень легко найти, он тут один такой, желтенький, трехэтажный, – быстро заговорила Татьяна, почувствовав заинтересованность Ларисы и боясь, что она вот-вот передумает. – А у Тамары уже все готово, и я вот здесь сижу, мы только тебя ждем... Ларочка, ты уж извини, пожалуйста...

– Хорошо, хорошо, – поморщившись, прервала Лариса извиняющийся поток речей сестры. – Говори точный адрес.

Сестра продиктовала адрес своей бывшей коллеги, уточнив, что ее зовут Тамара Константиновна Величкина, и Лариса, вздохнув, начала собираться. Когда она, уже одетая, вышла в прихожую, ей навстречу спешил Котов с озабоченным видом.

– Ты знаешь, – взял он Ларису за локоть. – У меня сегодня встреча важная. Просто очень важная. Одним словом, мне срочно необходим автомобиль.

– И что же? Ты звонил Асташевскому?

– Звонил, – раздраженно отмахнулся Котов. – Он мурзится и бычится. В общем, не хочет он давать свой «БМВ».

– И что? – нахмурилась Лариса.

– Дай мне свою «Вольво» хотя бы на сегодняшний вечер, – выдохнул Котов.

– Я сейчас уезжаю, и тоже срочно, – отрезала Лариса.

Котов всплеснул руками, словно старая бабка. Его глаза округлились, лицо налилось от возмущения краской.

– Куда? Куда ты поедешь? – буквально закудахтал он. – На ночь глядя!

– Татьяна позвонила, у нее какие-то проблемы, – ответила Лариса.

– Пускай сюда приезжает, – тут же предложил Евгений. – Хоть развеется, а то сидит постоянно дома.

– Она не может.

– Почему? Она не может, а я должен из-за этого страдать?! – возмутился Евгений.

Лариса с усмешкой посмотрела на мужа.

– С тех пор как ты стал постоянно ездить на машине без шофера, ты все больше становишься похожим на Степаныча. У того тоже все кругом виноваты, кроме него самого.

– Я? На Степаныча? – искренне удивился Котов. – Ну, знаешь... Сравнить меня с этим дураком... Тоже мне...

– В общем, как бы то ни было, я уезжаю. А ты сегодня воспользуйся общественным транспортом. Или вообще пешком прогуляйся, полезно для здоровья. Развеешься опять же... – Лариса проговорила эти слова, повторив недавние слова самого Котова, и решительно направилась в гараж.

Котов семенил за женой, жалко унижаясь, вымаливая машину и даже предлагая какую-то сделку. Он обещал взамен подарок, какой она захочет, потом клятвенно заверял, что за предоставление ему на вечер ее автомашины он вступит в общество защитников трезвости, сулил еще какие-то блага, но Лариса уже его не слушала. Она молча спустилась в гараж и вывела из него свою «Вольво». Котов посмотрел, как она отъезжает, потом вздохнул и неожиданно даже для себя самого произнес:

– Наверное, я чего-то недопонимаю в этой жизни...

В следующий момент до Евгения дошло, что это коронная фраза Степаныча, и он, содрогнувшись от ужаса, развернулся, быстро зашагав обратно в квартиру.

* * *

Тамара Константиновна оказалась женщиной лет тридцати шести, как сказала Ларисе ее сестра, но выглядела, увы, на все пятьдесят. В ее лице чувствовалось внутреннее напряжение, не отпускающее ее ни на минуту. Видно было, что она очень устала, настолько устала, что если дать себе волю и расслабиться, то рассыплется, как листья старого гербария, если до них дотронуться. Помимо усталости и напряжения, сковывавших не только ее движения, но и лицо, именно в лице можно было разглядеть что-то не совсем на первый взгляд уловимое, но неприятное. Интуитивно Лариса определила это как какое-то тупое упрямство, причину которого она пока понять не могла.

Тамара Константиновна встретила Ларису в костюме классического покроя темно-вишневого цвета, который очень подходил к ее светлым волосам, как будто неумело и явно наспех собранным на затылке в небольшой узел. Накрашенными у нее были только губы, что не делало ее моложе. Несмотря на то что женщине, видимо, был присущ вкус, теперь ей явно было не до собственной внешности.

– Здравствуйте, – как-то поспешно протянула она Ларисе руку для приветствия. – Проходите, пожалуйста...

И тут же отправилась на кухню, крикнув по дороге вышедшей из комнаты Татьяне:

– Таня, проводи Ларису Викторовну, пожалуйста.

Татьяна нисколько не изменилась с последней их встречи. Ларисе вообще казалось, что сестра относится к тому типу людей, которые одинаковы и в двадцать, и в пятьдесят лет. Все та же гладкая прическа, неброский макияж, скромная одежда... Та же строгость во взгляде, что и в юности. Лариса, поздоровавшись с сестрой, прошла вместе с ней в комнату.

Стол уже был накрыт, и Лариса, оглядев его, почувствовала неловкость, поскольку выставленные блюда явно били по кошельку среднестатистического россиянина, а Тамара Константиновна, похоже, в данный момент находилась в весьма плачевном состоянии.

– Прошу вас, садитесь, – с улыбкой проговорила хозяйка, вернувшаяся из кухни с бутылкой коньяка в руке.

– Зачем же вы... – только и сказала Лариса, кивнув на стол. – Я бы так и так приехала.

– Ничего, ничего, – как-то нервно и суетливо проговорила Тамара Константиновна, тербя в руках салфетку. – Угощайтесь.

Ларисе ничего не оставалось делать, как сесть за стол. Тамара Константиновна пыталась придать своему лицу преувеличенно бодрое выражение, что плохо ей удавалось. Она стала разливать коньяк, рассказывая одновременно о том, как замечательно, что ей удалось купить настоящую его марку.

Когда три женщины подняли бокалы за знакомство и за встречу, Лариса, положив в тарелку закуску и эскалоп из свинины, решила все же перейти к делу.

– Тамара Константиновна, – начала она, – вы бы рассказали мне поподробнее о том, что произошло, а то мы сейчас напьемся и обо всем забудем, – пошутила она, желая подбодрить новую знакомую.

Та ответила нервным смешком, стараясь взять себя в руки, и, посерьезнев, сказала:

– Просто не знаю, с чего начать...

– Давайте начнем с того, как произошла эта... трагедия. Что ей предшествовало, как все случилось, как вы узнали о происшедшем, что было потом...

– Я поняла, – кивнула Тамара Константиновна. – Да, постараюсь рассказать как можно подробнее. Итак, это случилось в мае, двадцать восьмого числа. Леля, как обычно, пошла на дискотеку в клуб «Баден». Это заведение работает до двенадцати ночи, поэтому Лелю мы стали ждать примерно с половины первого.

– А она часто посещала дискотеку? – вставила Лариса.

– Да, почти каждый день, но я не видела в этом ничего опасного. Она всегда ходила с подругами, к тому же Леля человек довольно самостоятельный, и я безбоязненно отпускала ее, когда она просила, допоздна и даже иногда ночевать к подругам. Это не значит, что я за нее не беспокоилась, просто, вы ведь понимаете, запретами ничего не добьешься, а я всегда ей доверяла. Вот и в тот раз, не дождавшись ее к назначенному ею самой времени, решила не выходить на улицу и не встречать: у нее тогда был молодой человек, и Леля вполне могла задержаться с ним на первом этаже в нашем подъезде. Я считала бестактным им мешать, кроме того, она могла отправиться и к подруге: может, еще не добралась и не успела позвонить.

Тамара Константиновна вздохнула и налила себе еще коньяку. Выпив, она перевела дух и продолжала:

– Серьезно волноваться я начала, когда на часах было около трех. А после того, как в половине пятого утра услышала звук сирены, который бывает только на милицейских машинах и неотложке, я поняла, что с Лелей что-то случилось. Страшное...

– Простите, а вы не пытались той ночью узнать что-либо у ее подруг? – перебила женщину Лариса.

– Конечно, пыталась! Я даже спустилась на первый этаж, но там никого не было, и я выглянула на улицу, посмотреть, не сидят ли они на лавочке – все-таки ночи были уже теплые... Но и там было пусто. Тогда я стала звонить девочкам, с которыми она обычно вместе ходила на дискотеки. Обе сказали, что Леля пошла домой одна, сразу после закрытия клуба. Что с Димой – так зовут ее молодого человека – в тот вечер она не встречалась и не собиралась встретиться. Вот, собственно, и все. Дальше я уже не знала, что делать, и стала просто ждать. А когда услышала на улице тревожную сирену, сразу кинулась одеваться. Но пока я натянула на себя что-то из одежды и выскочила на угол, ее уже погрузили в санитарную машину, так что в каком состоянии была тогда моя дочь, я не видела. Нужно сказать, что меня словно парализовало, и я тупо смотрела на происходящее, даже не пытаюсь выяснить, в какую больницу ее

повезли. Не отреагировала я поначалу и на вопрос одного из оперативников насчет того, кто обнаружил мою дочь.

– А вам известно, кто ее обнаружил? – спросила Лариса.

Тамара Константиновна кивнула, погруженная в свои мысли, помолчала, а потом медленно заговорила:

– Хотя как-то соображать я стала, когда увидела этого алкаша, вызвавшего милицию. Да простит он меня, что я его так назвала, ведь в конце концов именно этот человек спас мою дочь, лежащую без сознания в луже собственной крови на мокром тротуаре. В общем, нам повезло: у этого человека в то раннее утро было страшное похмелье, и он направлялся в ближайшее от его дома место, где можно похмелиться, – в круглосуточную рюмочную «Разгуляй», что на проспекте, так что путь его лежал как раз через это место...

Почему-то именно после этих слов женщина всхлипнула, слезы рекой полились по ее прежде времени увядшему лицу, так что Ларисе пришлось проговорить несколько успокаивающих фраз и даже налить Тамаре Константиновне еще коньяку, прежде чем она продолжила свой рассказ.

– ...Экспертиза показала, что мою дочь изнасиловали, жестоко избили, так что оказалась повреждена центральная нервная система и ее парализовало. Естественно, что после пережитого она долгое время вообще не могла давать показания, а после того, как частично была восстановлена двигательная функция верхних конечностей и она начала потихоньку пытаться давать их письменно, прошло уже слишком много времени, и Леля мало что могла вспомнить о том, что с ней случилось, а возможно, что и просто не хотела вспоминать или боялась. В результате это дело, как мне потом объяснили, спустили на тормозах, то есть оно просто потихоньку, как-то само по себе заглохло. Я с самого начала не очень верила в его благоприятный для нас исход. Мне пришлось бросить работу... – хозяйка дома снова вздохнула. – Ведь за Лелей ухаживать нужно, но вы не волнуйтесь...

– В каком смысле? – удивилась Лариса.

– У меня есть кое-какие сбережения, и я в состоянии... Ну, может быть, меньше, чем вы рассчитываете... Но оплатить ваш труд я могу, – Тамара Константиновна покраснела.

– Это не самое главное, – заметила Лариса. – Я не всегда беру деньги за расследование. Скорее даже не беру.

– Десять тысяч рублей вас устроит? – обеспокоенно уточнила Тамара Константиновна.

Сумма для Ларисы была, прямо скажем, непринципиальная. Более того, по ее меркам, довольно смешная. Но она не стала этого показывать, и еще раз повторила:

– Деньги – не самое главное. Лучше скажите мне, не сообщила ли ваша дочь какие-то факты, приметы того или тех, кто это с ней сделал?

– В том-то все и дело, что нет, абсолютно ничего, – покачала головой Тамара Константиновна. – А милиция проверяла всех, кто был в тот вечер в этом баре, опрашивала подруг, но так ничего и не выяснила. Словом, до вчерашнего вечера не было ни одной зацепки, с помощью которой можно было выйти хотя бы на одного подозреваемого.

– Почему до вчерашнего вечера? – тут же вся обратилась во внимание Лариса. – Что произошло вчера вечером?

– Вчера мы, как обычно, гуляли по скверу и уже направлялись домой, собираясь переходить улицу, как мимо нас промчалась иномарка ярко-красного цвета с тонированными стеклами. Номер я, конечно, не успела заметить, – тут же оговорила Тамара Константиновна.

– Но... Какая связь между этой машиной и случившимся с вашей дочерью? – удивилась Лариса.

– Дело в том, что, когда эту машину увидела Леля, она страшно испугалась. Я поняла это сразу же по ее лицу, а когда мы пришли домой и я стала пересаживать ее с кресла на кровать, то заметила, что она была совершенно мокрой... – хозяйка смутилась и покраснела. – Ну, вы

понимаете, что я имею в виду – Леля описалась. Вот тогда я поняла, что ее не просто что-то очень напугало – она была в ужасе. Добиться от нее какого-нибудь ответа оказалось совершенно невозможным, что еще больше утвердило меня в мысли, что этот автомобиль напрямую связан со всем тем, что произошло с моей дочерью.

– Ну что же, благодарю вас за доверие, которое вы мне оказали, рассказав о вашей трагедии. Могу ли я рассчитывать на такое же доверие, когда приступлю к непосредственным действиям? Это первый вопрос, который я задаю не всем, но в данном случае мне хотелось бы получить на него ответ.

– Да, абсолютно. Я наслышана о ваших способностях. Татьяна мне очень много о вас рассказывала – и как о человеке, и как о сыщике-любителе, так что у меня нет причин вам не доверять. К тому же, как я уже говорила, на милицию я уже не рассчитываю...

– Хорошо. Теперь что касается оплаты. Так как я прекрасно понимаю положение, в котором вы сейчас находитесь, извините за нескромный вопрос, вы живете без мужа?

– Да. Он умер, когда Леле исполнилось три года, – тихо ответила Тамара Константиновна.

При этих словах Татьяна горестно вздохнула и покачала головой. Помолчав, Лариса сказала:

– Я сразу же хочу оговорить этот вопрос – денег за расследование я с вас не возьму. И давайте больше не будем к этому возвращаться, – предостерегающе подняла она руку, увидев, что Тамара Константиновна пытается что-то сказать. – А теперь расскажите мне, пожалуйста, поподробнее об этой машине, какой она марки, цвета, может быть, какие-то особые приметы...

– Вы знаете, боюсь вас огорчить, но все дело в том, что я абсолютно ничего не понимаю в марках и в этом помочь вам не могу. Но я заметила, что левое крыло у нее было прилично помято. Этого, наверное, слишком мало, чтобы вы ее нашли? – с надеждой спросила Тамара Константиновна.

Как ни хотелось Ларисе в этот момент ее расстраивать, но пришлось признать, что этого действительно очень мало: в Тарасове может быть несколько сотен заграничных «птиц» красного цвета с подбитыми крыльями. Но тут у Котовой возникла мысль, что есть шанс попробовать выяснить марку с помощью автомобильного каталога: вдруг Тамара Константиновна сможет сличить ту машину с картинкой? Тем более что у Ларисы в машине лежало несколько автомобильных каталогов.

– Думаю, у меня получится, – ответила приободренная Тамара Константиновна и даже сделала жест, который должен был означать, что она поправила прическу.

Лариса сходила во двор, где оставила свою «Вольво», и принесла каталоги. Первый Тамара Константиновна долго листала, наморщив лоб и беззвучно шевеля губами, потом, подумав, решительно отложила его в сторону и взялась за следующий.

Где-то примерно на двадцатой странице хозяйка квартиры остановилась, долго внимательно разглядывая «Шевроле» ярко-красного цвета, и вдруг выдохнула:

– Это она!

– Вы уверены, Тамара Константиновна, что дело не в цвете? – обеспокоенно уточнила Лариса.

– Нет, не в цвете, это она, – уже гораздо более убедительно и даже настойчиво повторила женщина.

– Ну что ж, уже в этом нам крупно повезло, и будем надеяться, что так пойдет и дальше. Я завтра же приступлю к работе, а к вам у меня будет еще одна просьба: сообщить координаты и имя того человека, который нашел вашу дочь. Надеюсь, вам все это известно? – деловито осведомилась Лариса.

– Да, конечно, пожалуйста, – Князевская, дом девять. Это старый дом в маленьком «итальянском» дворике. Зовут его Святский Виталий Георгиевич, – с готовностью проговорила Тамара Константиновна.

– Теперь еще один вопрос. Что за молодой человек, с которым встречалась Леля до... этой трагедии? Как его зовут, где учится, где живет? Чем сейчас занимается? Как он себя вел после всего случившегося, когда вы его в последний раз видели? – забросала Лариса вопросами Тамару Константиновну.

– Сейчас, сейчас, – закивала та. – Значит, так. Зовут его Дима Мельников, он в политехническом учится, на год старше Лели. Он к нам несколько раз приходил, вроде бы воспитанный мальчик, вежливый, не нахальный. Леля говорила, что родители у него хорошие, преподают, только в другом институте. Но, по-моему, ничего серьезного между ними не было. Во всяком случае, не было такого, чтобы Леля из-за него ночей не спала или стихи сочиняла. Я считала, пусть встречаются – возраст такой, куда денешься! А потом разберется: если не подходит, другого себе найдет. Лишь бы детей не было. Но с этим никаких проблем не возникало.

– А вы знаете о том, что ваша дочь жила половой жизнью? – осторожно спросила Лариса.

– Я напрямую у нее об этом не спрашивала, но как-то раз увидела у нее в сумке упаковку презервативов, – понизила голос Тамара Константиновна. – Вечером задала ей вопрос, но она очень спокойно ответила, что уже взрослая и что я должна только радоваться, что она умеет предохраняться. И, знаете, ее уверенный тон меня убедил. Я тогда подумала о ней не как о собственной дочери, а просто как о повзрослевшей девушке. Что же, ей семнадцать лет, сейчас время такое, что это в порядке вещей. А раз предохраняется, значит, думает о себе, соображает, что делает. Запрещать же не станешь, все равно бесполезно!

– Возможно, вы и правы, – задумчиво проговорила Лариса, размышляя, стала ли бы она вот так полагаться на разум не совсем еще повзрослевшей дочери, снимая с себя всю ответственность за нее. Разумно ли предоставлять в этом возрасте девушке полную свободу? – Но давайте вернемся к Диме, – стряхнув с себя эти мысли, сказала она.

– Ну вот, живет он где-то в районе третьей больницы, точный адрес я не знаю, никогда там не была. И с родителями его никогда не встречалась. А видела я его дня через три после того, как все это случилось. Дима пришел к нам, спросил Лелю, я сказала, что она в больнице. Рассказала все, что с ней произошло. Он удивился, спросил адрес больницы... На следующий день навестил ее и... больше не приходил, – глядя в окно, проговорила Тамара Константиновна.

Лариса понимающе покачала головой.

– Ну что ж, на данный момент я, кажется, узнала все, что меня интересовало. Единственная просьба – нельзя ли мне взглянуть на Лелю?

Тамара Константиновна как-то нервно дернулась и неуверенно посмотрела на Ларису. Татьяна снова вздохнула.

– Я абсолютно ни о чем не стану ее спрашивать, – поспешила добавить Лариса.

– Ну хорошо, – выдохнула женщина. – Но сразу предупреждаю, что зрелище...

Она не закончила фразу и отвернулась, прижимая в глазам платочек. Татьяна склонилась к Ларисе и тихонько сказала:

– Я ее видела. Зрелище и впрямь жалкое, особенно если вспомнить, какой она была три месяца назад...

– Пойдемте, – взяла себя в руки мать Лели и двинулась к двери в соседнюю комнату. Лариса пошла за ней, Татьяна осталась сидеть на стуле.

В небольшой комнате с завешанными шторами на узкой кровати лежала девочка, которой на вид можно было дать лет тринадцать. Лицо сейчас было настолько бледным и ничего не выражающим, что казалось мертвым. На вид она была просто прозрачной и невесомой, что еще больше подчеркивало ее болезненность и делало совсем ребенком. Лариса посмотрела на склоненную набок голову девушки и увидела, что красивыми в ее облике можно было назвать лишь волосы, светло-пепельные, точь-в-точь как у матери, только заплетенные в две тугих косы.

Девочка подняла на Ларису свои грустные глаза и как-то испуганно, как показалось Котовой, на нее посмотрела. Лариса тут же отметила про себя невероятное внешнее сходство с матерью, с разницей лишь в возрасте и комплекции.

Девочка перевела вопросительный взгляд на мать и чуть приоткрыла рот, словно пытаясь что-то сказать. Тамара Константиновна бросилась ее успокаивать:

– Ничего-ничего, Лелечка, не волнуйся, это моя приятельница пришла тебя проведать. Тебе что-нибудь принести?

Девочка едва заметно покачала головой.

– Ну, отдыхай, отдыхай, милая, – поправила мать одеяло на кровати. – Мы не станем больше тебя утомлять.

Они вышли из комнаты, и Тамара Константиновна, опустившись на стул, беззвучно разрыдалась. Татьяна взяла с серванта пузырек с успокоительным и накапала в стакан несколько капель, протянув его своей бывшей коллеге. Та молча выпила и, утерев красные глаза, сказала:

– Самое ужасное, что при любом результате расследования она останется такой же... Она останется такой навсегда.

У Ларисы не нашлось слов, чтобы утешить бедную женщину. В самом деле, что можно говорить в подобных случаях, кроме как пожелать, чтобы ни одной матери не довелось в жизни пережить такое.

– А может, и не надо тебе этого расследования, а, Тамара? – неожиданно спросила Татьяна. – Только нервничать будешь больше...

Тамара Константиновна медленно подняла на нее взгляд и покачала головой.

– Нет, – произнесла она твердо. – От этого я не откажусь.

Лариса почувствовала, что больше не может оставаться в этой тягостной обстановке, где все словно пропитано болью и отчаянием, и посмотрела на часы.

– Последняя просьба, Тамара Константиновна. Мне нужна фотография Лели, не могли бы вы мне ее дать?

– Да, конечно, – тут же встала мать Лели. – Я сейчас вам принесу.

Через минуту она вернулась, держа в руках цветной снимок с улыбающейся Лелей в выходном платье. Девушка с красивой прической и макияжем выглядела совсем не такой, как сейчас: казалась старше и увереннее.

– Это Леля год назад после поступления в училище, – пояснила мать.

– Что ж, большое спасибо за угощение, Тамара Константиновна, приятно было познакомиться, но мне пора. Как и обещала, завтра же начну заниматься вашим делом. А возможно, даже и сегодня, – задумчиво добавила Лариса, глядя на фотографию и уже обдумывая один из вариантов.

– Да, и я тоже пойду, – засобиралась Татьяна.

– Давай я тебя подкину, – кивнула сестре Лариса и пошла в прихожую.

Попрощавшись с хозяйкой, женщины вышли на улицу и сели в «Вольво». Лариса, с наслаждением закурив, открыла окно.

– Ну и какое впечатление она на тебя произвела? – спросила Татьяна.

– Милая женщина, – коротко ответила Лариса, хотя понимала, что сестра имеет в виду не мать, а дочь.

О девочке ей сейчас говорить не хотелось. Котова поймала себя на мысли, что постоянно вспоминает испуганный и словно какой-то молящий взгляд Лели. И даже когда поздно вечером она ложилась спать, перед ней стояли полные горечи глаза девочки.

Глава 2

Следующее утро Лариса решила начать с посещения алкоголика Святского. В глубине души она надеялась, что, может быть, Виталий Георгиевич не только обнаружил тело Лели, но и, чем черт не шутит, являлся свидетелем произошедшей трагедии. И в силу каких-то причин, может, из-за боязни скорее всего, не сообщил об этом милиции. Это было, конечно же, только предположение, но версию следовало бы проверить.

Попутно Лариса начала работу и в другом направлении – с вечера она уже позвонила своему давнему другу, подполковнику Олегу Валерьяновичу Карташову, и попросила его выяснить все возможное о владельцах красных «Шевроле» с тонированными стеклами и с помятым крылом. Карташов скептически хмыкнул, выслушав этот набор данных, но помочь согласился, правда, без особого энтузиазма. Лариса и сама понимала, что по таким приметам вычислить нужный автомобиль крайне сложно, тем не менее не хотела упускать ни одной возможности.

Дворик, по меткому определению Тамары Константиновны, действительно был «итальянским»: после того как Ларисе пришлось оставить машину за закрытыми воротами и войти в маленькую калитку, она увидела три старых дома красного кирпича, стоящих буквой «п» и построенных, по преданию, еще на «яйцах». Дома были «украшены» всевозможными пристройками и кильдимишками с далеко вперед выдающимися кровлями, так что над головой проходящего образовывалась некая общая крыша. Прямо посередине двора было развешено белье, здесь же слышался лай собак и громкая ругань двух соседок. Одним словом, обстановка являлась крайне живописной.

С трудом отбиваясь от какой-то агрессивной сучки неизвестной породы, Лариса нашла нужную дверь и позвонила. Долго не открывали, так что уже подумалось, что приехала напрасно. На всякий случай еще и постучала в запыленное окно, когда услышала позади себя окрик:

– Вы к кому это?

– Я к Святскому Виталию Георгиевичу, – ответила Лариса на вопрос одной из соседок, недавно выяснявших отношения во дворе.

– На что это он вам сдался? – подозрительно сощурилась женщина, окидывая взглядом Ларису. – Вы из милиции, что ль?

– Почему из милиции? – искренне удивилась Лариса.

– Потому что сколько жалоб на него написано. Устроил тут, понимаешь!

– А что? – заинтересовалась Лариса.

– Мало того, что пьет, так еще и бордель устраивает! Давно посадить нужно, паразита!

– Да уж никакого борделя-то и не было, – неожиданно вступилась за Святского вторая участница ссоры, слышавшая разговор Ларисы со своей соседкой и подошедшая ближе. – Это раньше, когда он с Зинкой жил. Зинка и устраивала.

– Ой, да ладно, а он прям святой! – отмахнулась первая.

– А кто такая Зинка? – уточнила Лариса.

– Жена его, – ответила вторая женщина.

– Никакая она ему не жена! – категорически восстановила статус-кво первая. – Жила у него просто и девок сюда таскала.

– Как это – девок таскала? – не поняла Лариса.

– Да публичный дом устраивала! – поведала женщина, которая первой обратилась к Ларисе. – Собирала проституток всяких, которых мужикам некуда вести, и сюда приводила. А деньги с мужиков брала себе, ну, и девкам этим платила, конечно, тоже. А потом выгнал он ее, когда мы все жалобу написали.

– Вон оно что, – задумчиво ответила Лариса. – А где теперь живет эта Зинка?

– Кто ж ее знает? – вздохнула вторая женщина. – Ушла отсюда, и слава богу, мы только обрадовались. А где она теперь, нам без надобности. Не дай бог еще вернется. Насмотрелись уж, хватит! Девки все размалеванные, страшные, прости господи! Пьяные вечно. А некоторые ведь молоденькие совсем, прямо девочки еще!

– Извините, – в голове Ларисы вдруг мелькнула невероятная мысль. – А вы никогда не видели здесь вот эту девочку?

Она достала из сумочки фотографию Лели и протянула женщинам.

– Ой, и не знаю! – сразу отмахнулась первая. – По мне они все на одно лицо, шалавы эти чертовы!

– Вроде бы как... лицо знакомое, – неуверенно сказала вторая, всматриваясь в черты лица Лели. – Только здесь она уж очень молоденькая.

– Эта фотография сделана год назад, – пояснила Лариса.

– Не знаю, не знаю, – озабоченно качала головой женщина. – Похожа вроде, да я не уверена...

– Да что тут думать-то! – не выдержала первая. – Вызвать нужно алкаша этого да хвост ему прижать! Вместе с Зинкой! Вам-то они все расскажут, они милиции страсть как бояться! Вызовите да пропесочьте как следует, а то, мол, выселим с квартиры к чертовой матери!

– Так сами видите, нет его дома, – показала Лариса на дверь квартиры Святского, решив не уточнять, что сама она вовсе не из милиции.

– К вечеру точно явится, – почесала затылок первая соседка. – Куда ж ему ночевать-то идти? Вот и берите его тепленького!

– Хорошо, спасибо, мы так и сделаем, – кивнула Лариса и пошла со двора.

Сзади до нее тут же донеслись звуки возобновившегося спора двух соседок по поводу того, на каких веревках каждая из них имеет право развешивать белье.

Сев в машину и выехав на проезжую часть, Лариса задумалась. Признаться, мысль о том, что Леля являлась посетительницей борделя, устроенного сожительницей Святского, ее ошеломила. Этот факт никак не вязался со сложившимся у нее образом девочки, особенно с ее внешностью. Не могла она представить себе Лелю в качестве малолетней проститутки, да еще такого низкого пошиба.

Неожиданно она почувствовала, как разволновалась. Семнадцатилетняя девочка – дешевая проститутка в этом убогом дворе! Девочка из вроде бы благополучной, пусть и неполной семьи. Что заставляет их выбирать такой путь? Мысли Ларисы обратились к собственной дочери. Нет, конечно, представить, чтобы Настя стала заниматься тем, чем Леля, она не могла, но тревога за дочь отчего-то неуклонно нарастала. Вдруг случайно попадет в какую-нибудь компанию? Вдруг так случится, что – опять же случайно, из любопытства – попробует наркотик... А к чему это может привести – об этом даже подумать страшно. Нет, о плохом лучше не думать, а просто поговорить с дочерью по душам. В конце концов, Настя не глупая девочка, не легкомысленная, самостоятельная, и Лариса всегда ей доверяла.

«Да, но Тамара Константиновна тоже считала свою дочь серьезной и самостоятельной, – отметила Лариса. – И разве она могла подумать о том, чем та занимается? И эта упаковка презервативов... Она может свидетельствовать совсем не о том, о чем думала мать Лели».

Взволнованно Лариса выдернула из пачки сигарету и закурила, выпуская дым в раскрытое окошко машины.

«Подожди, подожди, – начала она убеждать себя. – Еще ничего не известно. Не доказано даже, что это Леля. А если даже и она, то неизвестно, зачем она сюда приходила. Может быть, совсем по другому поводу. Да, но по какому?»

Ответы на эти вопросы могли дать только Святский и его сожительница, но они сейчас находились вне пределов досягаемости, и Ларисе оставалось одно – ждать вечера.

Она поехала к себе в ресторан, так как пока не могла дальше продвигаться в расследовании – нужно было ждать встречи со Святским и информации от Карташова. И Лариса очень надеялась, что она будет результативной.

Подойдя к ресторану, Котова крайне удивилась, обнаружив его закрытым. Закрытие ресторана посреди белого дня могло быть вызвано только какими-то чрезвычайными обстоятельствами, и Лариса сразу же почувствовала себя обеспокоенной. В голове тут же пронеслись всевозможные варианты, по причине которых это могло случиться. Она заглянула сначала в одно из окон, но опущенные жалюзи не позволили увидеть, что происходит внутри.

Лариса решительно достала из сумочки ключи, отперла дверь и вошла в помещение. Картина, которую она там увидела, потрясла ее: прямо посреди торгового зала собрался весь персонал. Лица у всех были хмурыми, растерянными, а у многих просто злыми. Что больше всего удивило Ларису, так это отсутствие на официантках фартуков и наколок, а также еще некоторых деталей одежды, которые бесформенной кучей были сложены на столе.

Главным затейником в этой толпе, как поняла Лариса, был Дмитрий Степанович Городов. Он бегал от одного сотрудника к другому, каждому тыкал крючковатым пальцем в лицо и так быстро сыпал фразами, что понять смысла их было невозможно. Кроме того, кричал он столь громко, что даже не услышал, как вошла Лариса. Некоторые присутствующие, правда, заметили появление своей начальницы, однако не решились перебить словесную диарею Степаныча. Лариса подошла ближе и таким образом наконец-то разобрала, что выкрикивает ее разошедшийся администратор, напоминавший Котовой в данную минуту ярко-красный игрушечный волчок.

– Я вас всех, всех здесь построю! – орал Городов, суетливо перебирая сваленную на столе одежду. – Тоже мне, взяли моду! Я вас отучу от воровства! Короче, сейчас кого возьму с полочным – будет год на ресторан бесплатно работать! И еще машину мне мыть!

Он подскочил к одной из официанток, с особой ненавистью смотревшей на Степаныча, и дернул ее за юбку. Та негодуя отстранилась и отбросила сухую руку администратора.

– Снимай сейчас же! – заорал Дмитрий Степанович.

– Что? – не поняла та.

– Юбку снимай! – еще пуще завопил администратор. – И кофту тоже – к чертовой матери! Раздевайся! И вы все тоже раздевайтесь! Сейчас сам лично обыскивать буду!

Он уже принялся сдергивать с ошалевшей официантки юбку, но тут в ситуацию решительно вторглась Лариса, сама сильно опешившая от увиденного.

– А ну прекратить немедленно! – невольно повторяя интонацию подполковника Карташова, воскликнула она. – Что здесь происходит?

Степаныч повернулся и наконец увидел Ларису, тут же поспешив к ней с объяснениями и оправданиями.

– Развели тут, понимаешь! – обводя жестом весь персонал, прокричал он. – Мало того, что все кобылы ленивые, так еще и воровать начали! Ладно раньше с кухни тащили, так теперь еще и у меня красть начали! Главное, не у кого-нибудь, а у меня!

– Да что у тебя пропало-то? – строго спросила Лариса. – Объясни толком!

– Вы представляете, оставил сегодня в кухне куртку... А в ней у меня деньги были. Е-мое, я же никогда, никогда не оставляю деньги в куртке, всегда ношу с собой! А сегодня прямо как бес попутал! И что вы думаете? Полез в карман, а деньги украли! Вы понимаете, Лариса Викторовна? У-кра-ли! Вы понимаете, что это означает?

– Сколько у тебя было денег? – не отвечая обокраденному администратору, уточнила Лариса.

– Пятнадцать рублей! – вытарашил глаза Степаныч. – Я даже помню, какими монетами! Два пятака, два двульника и рубль! И знаете, что они мне оставили? Рубль! Мало того, что обокрали, так еще и издеваются! Как мне теперь домой добираться? Главное, я специально не

беру на работу много денег, чтобы избежать непредвиденных расходов, так они умудрились и на пятнадцать рублей посягнуть!

– И что ты намерен делать?

– Всех обыскать! – безапелляционно заявил Степаныч. – Всех, абсолютно всех! И у кого найду такие монеты, как были у меня... Я уже сказал, что с ним сделаю!

– Меня тоже обыскивать будешь? – холодно усмехнулась Лариса.

– Вас – нет, – великодушно сообщил Дмитрий Степанович. – Я лучше с вами после поговорю о том, как персонал воспитывать. А они пускай раздеваются. Все!

– Извращенец чертов! – дрожащим голосом в сторону проговорила одна из официанток.

– Правильно! – поддержала ее другая. – Как хотите, а я перед этим старым дураком обнажаться не стану! Лучше уволюсь!

– Е-мое, да на фиг мне надо на вас смотреть? – волчком завертелся Степаныч. – Обезьяны старые!

– Все, я увольняюсь! – решительно заявила официантка, срывая с груди бэйдж.

– Никто не будет ни обнажаться, ни увольняться! – решительно прекратила Лариса весь этот балаган. – Все надевают форму и расходятся по рабочим местам. Ресторан немедленно открыть. А ты, Дмитрий Степанович, пойдём ко мне в кабинет.

Степаныч, крайне недовольный тем, что ему не дали завершить начатый обыск, шумно вздохнул и замаршировал следом за Ларисой. Персонал, облегченно вздохнув, стал разбредаться по своим местам.

В кабинете Лариса открыла окно, села за стол и закурила, задумчиво глядя на своего администратора. Тот сидел, мрачно уставившись в стол и сопя себе под нос.

– Ты уверен, что деньги пропали у тебя из куртки? – наконец спросила Лариса.

– Я всегда знаю, где у меня лежат деньги и сколько, – отчеканил Степаныч.

– Что ж, это весьма прискорбно, если среди сотрудников ресторана завелся вор. Но это все-таки не повод, чтобы устраивать столь безобразные сцены, – укоризненно проговорила Лариса. – Да еще закрывать посреди дня ресторан по собственной прихоти.

– А что, мне при посетителях их обыскивать? – взвился Степаныч. – Позор на весь город!

– Я не о том, – поморщилась Лариса. – Ты прав в том, что дело серьезное. Но все же для решения этой проблемы следует использовать другие методы.

– Может быть, вы знаете, какие? – язвительно поинтересовался Городов. – Так поделитесь... Я лично не знаю, это вы у нас гениальный сыщик.

– А ты не задумывался, почему обе кражи касались именно тебя? Ведь оба раза, насколько я поняла, украли принадлежащее тебе?

– Вы что, хотите сказать, что вся эта сволочь нацелилась именно на меня? – поднял белевые брови Дмитрий Степанович.

– Пока получается так, – развела руками Лариса. – Подумай, кого ты в последнее время незаслуженно обидел.

– Я никогда никого не обижаю незаслуженно! – отрезал Степаныч, но все-таки наморщил лоб.

Судя по эмоциям, отразившимся на его лице, людей, которых он в последнее время обижал, было не счесть, так что определить, кто именно из них затаил на Городова зло, было затруднительно.

– Не знаю, – глядя в сторону, выдохнул Степаныч. – И полагаю, что лучше все-таки было бы их обыскать.

– Мы не имеем права это делать, – заметила Лариса.

– Е-мое, да как не имеем права? У меня воровать будут, а я не могу проверить, кто это? – разбушевался Дмитрий Степанович. – И главное, ведут себя так, словно я их оскорбляю! Обезьяны старые! Кобылы криворукие! Достали! Все! Достали! Еще теща эта... Приперлась

сегодня деньги кланчить! Кланчит и кланчит, болеет все! Всю жизнь болеет – нас всех переживет, вот посмотрите!

– Хватит! – крикнула Лариса. – Ты лучше вспомни, не заходил ли кто из посторонних сегодня в ресторан? – перебила стандартный набор обзывательств своего администратора Лариса.

Степаныч яростно принялся скрести голову. Потом вдруг торжествующе воскликнул:

– Как же! Заходил... Вернее, заезжал. Ваш муж, Евгений Алексеич был-с. Откушал ухи из стерляди, вас дожидаясь, не дождался и отбыл, так сказать, восвояси... Он, кстати, и мог украсть, он меня терпеть не может, всем известно!

– Перестань ерунду городить! – рассердилась Лариса. – Сдались ему твои четырнадцать рублей!

– Вот он как раз и мог украсть не ради наживы, а чтобы мне гадость сделать, – гнул свое Степаныч.

– Подожди, – вдруг остановила его Лариса. – Ты сказал – заезжал. Он что, был на машине?

– Да, только не на своей, – с расстановкой произнес Дмитрий Степанович. – Я слышал, свою он успешно угробил. Но и новая его... машина, – Степаныч шумно вздохнул, – тоже уже побита. Крыло у нее, знаете ли, помято, Лариса Викторовна, крыло! Уже и крыло успел помять. Он и ее разобьет, чего от него еще ожидать! Не знаю уж, у какого идиота он ее взял... А может быть, он и ее украл, а? – неожиданно обрадовался Степаныч. – Тогда все сходится. Может быть, у вашего мужа обнаружилась на старости лет тайная страсть к воровству?

– Ступай на кухню, – холодно ответила Лариса, которую сообщение Степаныча повергло в некоторое замешательство.

– А как же мои деньги? – не спешил покидать кабинет Степаныч.

– Усиль охрану в ресторане, – посоветовала Лариса. – Пусть следят не только за порядком в зале, но и за перемещениями сотрудников. Только не болтай никому об этом! – прикрикнула она, зная патологическую страсть своего администратора к трепу. – Рано или поздно вор попадет, и тогда можешь делать с ним что хочешь. А пока оставь меня в покое, могу заявить, что я твои убытки покрывать не намерена!

Степаныч остался крайне недовольным таким резюме, однако понял, что начальница сейчас явно не в духе, и вышел-таки из кабинета, бросив с порога:

– Если это ваш супруг, я подам на него в суд.

Оставшись одна, Лариса задумалась. Итак, ее муженек раздобыл где-то машину. Слава богу, теперь от нее отстанет. А побитое крыло – это просто символ какой-то! Она ведь тоже ищет машину с побитым крылом... Интересно, а какой марки машину приобрел себе Котов? И у кого? Нужно выяснить у Степаныча хотя бы марку, чтобы сразу отбросить эту версию – вряд ли Котов был на «Шевроле».

Лариса вышла из кабинета для разговора со своим администратором. После некоторых поисков она нашла его в кухне. Дмитрий Степанович сидел на стуле и с аппетитом поедал жареную картошку с курицей, при этом он потрясал пальцем и приговаривал:

– Вот вы не понимаете! Не понимаете, как нужно правильно готовить курицу! Это же просто варварство – посыпать ее красным перцем да еще в таком количестве! А это еще что такое? – ковырнул он вилок в тарелке, подцепив на нее какой-то листочек.

– Это базилик, Дмитрий Степанович, – услужливо подсказала ему повараха.

– Чего? – вытаращился Степаныч.

– Базилик, трава такая пряная, – пояснил шеф-повар снисходительно.

– Тьфу! – с отвращением отшвырнул тарелку Степаныч. – В родном ресторане каким-то дерьмом кормят! Так всех посетителей распугаем! Сами-то вы понимаете, что говорите? Нет, только вдумайтесь, вдумайтесь – базилик! – с гримасой презрения произнес он. – Название даже неприличное!

– Так посетители-то разные бывают, Дмитрий Степанович, – попробовала оправдаться повараха. – Многие любят кавказскую кухню. И Лариса Викторовна это блюдо настоятельно рекомендовала...

– Лариса Викторовна... – бешено вращая ноздрями, начал было Степаныч. – Уже окончательно...

Он не договорил фразу, но Лариса подумала, что, видимо, он хотел сказать, что Лариса Викторовна «уже окончательно стебанулась и ничего не понимает в этой жизни», но вовремя передумал. Директриса ресторана не дала ему продолжить мысль и громко произнесла:

– Дмитрий Степанович! Можно тебя на минутку? Выйди-ка из кухни.

– Сию минуту! – по-лакейски угодливо вскочил Городов со стула.

– Дмитрий Степанович, мы там для вас специально картошки в мундире отварили! – крикнул ему вслед шеф-повар.

– Отлично, – буркнул администратор, выходя из кухни.

– Скажи-ка мне, а на какой машине был Евгений Алексеевич? – небрежно спросила Лариса в коридоре.

– Да на красном «Шевроле», – почесав голову, ответил Степаныч. – Я еще подумал, кто ж ему такую машину доверил? Видимо, малознакомый с ним человек... Или он все же ее... того? – победоносно заявил Городов, переминаясь с пятки на носок.

– Так, твои домыслы меня не интересуют, – прикрикнула на администратора Лариса. – А что он говорил? Не сказал, куда поехал, когда будет?

– Нет, он вообще-то торопился... А мне набрался наглости заявить, что мне следует быть добрее к людям! Главное, я всегда более чем добр к людям, а они этого не ценят и мне же еще выговаривают! – возмущенно воскликнул Дмитрий Степанович.

– Ладно, все, я поняла, – отмахнулась от Степаныча Лариса, поняв, что разговаривать с ним дольше одной минуты совершенно невозможно, и возвратилась в свой кабинет.

Информация, которую она получила от своего администратора, ее озадачила и расстроила.

«Но почему, собственно, я должна расстраиваться? – спросила Лариса саму себя. – Ясно же, что не Котов виновник преступления. Зато им вполне может оказаться тот, у кого он одолжил машину. И этот факт пока можно расценивать как удачу. Нужно лишь как можно скорее поговорить с Евгением».

Окрыленная, Лариса тут же позвонила домой. Но трубку взяла Настя и сказала, что папы нет дома, но что он звонил и сообщил, что отправляется в срочную командировку, что вернется на днях, а перед этим постарается позвонить, если появится возможность.

«Да уж, позвонить ему будет крайне сложно, особенно имея мобильник», – усмехнулась про себя Лариса, а вслух попросила дочь, чтобы вечером она была дома. Наконец-то представляется случай серьезно поговорить с дочерью, уберечь от мнимых и реальных проблем свою девочку.

Подумав обо всем этом, Лариса никак не могла сосредоточиться на работе: мысли ее постоянно крутились вокруг Лели, а особенно вокруг красного «Шевроле» с помятым крылом, на которой приезжал Котов. Надо же, именно на этом, с помятым крылом! Если это совпадение, то просто невероятное. Черт, ну почему, когда у нее масса других проблем, так Евгений вечно путается под ногами без дела, а когда он срочно нужен, то его никогда нет?

Лариса вздохнула, сняла трубку телефона, как раз зазвонившего в этот момент, и услышала голос подполковника Карташова.

– Привет сыщикам-любителям! Что ж, могу сообщить, что я выполнил твою просьбу. Могу прямо сейчас продиктовать данные всех владельцев красных «Шевроле», зарегистрированных в нашем городе. Вот только что ты с этим списком делать будешь? Разве что солить эти машины... Их тут набралось одиннадцать.

– Давай всех! – коротко потребовала Лариса, у которой пока не было другого пути, кроме как проверить всех обладателей красных «Шевроле».

Она записала данные, продиктованные ей Карташовым, уже мысленно формулируя следующий вопрос. И, закончив запись, сказала:

– Я тебе очень благодарна, но ты прав – что с ними делать? Чтобы проверить всех, уйдет уйма времени... Поэтому наберусь наглости обратиться к тебе еще с одной просьбой. Нельзя ли выяснить, какие из этих машин в последнее время попадали в аварии? Меня интересует помятое крыло. Наверное, стоит начать с владельца именно битой машины.

– А ты знаешь, я предвидел этот твой вопрос, – лукаво произнес Олег Валерьянович, – понимая, как сложно тебе будет проверить все. И заранее подготовил ответ.

– Неужели? – воскликнула потрясенная и обрадованная Лариса. – Так говори же!

– Итак, за последний месяц две красных «Шевроле» попадали в ДТП. Одна «поцеловалась» с «тройкой» бежевого цвета с местными номерами два дня назад в восемнадцать сорок на углу Горького и Чапаева. Повреждения – у «Шевроле» помято крыло. Вторая тачка десять дней назад в двадцать четыре часа ровно задела правым крылом «ГАЗ-3110» белого цвета с воронежскими номерами на выезде из города. За последний месяц ДТП с красными «Шевроле» больше не зарегистрировано.

– Что ж, я могу только развести руками в ответ на твою пронизательность, – улыбнулась Лариса, – и еще раз повторить, как я тебе благодарна.

– И каково реальное выражение твоей благодарности? – тут же спросил Карташов.

– Я всегда знала, что ты корыстен, – засмеялась Лариса. – Могу пригласить тебя на обед в «Чайку», только угощаться тебе придется, извини, без меня – времени, как понимаешь, совсем нет.

– Что ж мне там без тебя делать? – вздохнул подполковник.

– Ну, тебе может составить компанию, скажем, Степаныч, – стараясь не расхохотаться, предложила Лариса. – Правда, он в последнее время в дурном настроении. Ну, вот заодно и развеется. Если, конечно, захочет потратиться.

– Насколько я знаю твоего администратора, он всегда в плохом настроении, – заметил Карташов. – А уж чтобы он решил потратиться ради моей компании – это вообще нонсенс. Так что хватит шутить, давай лучше данные записывай на этих аварийщиков.

– Давай, – перестала смеяться Лариса.

– Итак, первый. Вернее, первая. Некто Галина Анатольевна Королева. Второй – Жакин Александр Владимирович, проживает по улице Некрасова, дом двадцать пять, квартира сто сорок. И телефончик запиши... 52-48-48. Больше ничего о нем сообщить не могу. Ты, как я полагаю, именно им и займешься вначале?

– Да, начать разумнее с него, – согласилась Лариса.

– Ну, желаю удачи. Если надумаешь пригласить в гости и составить мне компанию, рад буду слышать, – сказал Олег Валерьянович и повесил трубку.

Лариса закурила сигарету и подумала, что Карташов на этот раз вел себя просто сверхкорректно – мало того, что выполнил больше, чем она просила, но даже не стал насаждать на нее и настаивать на совместном ужине при свечах в «Чайке». Видимо, подполковник уже и сам понимал, что время таких ужинов для них безвозвратно ушло...

Но сейчас времени на лирические размышления у Ларисы не оставалось. Сейчас нужно заниматься Жакиным, потому что пока он единственный, чья машина, описание которой полностью совпадает с той, которой испугалась Леля Величкина. Не считая, конечно, таинственного «Шевроле», на которой был Котов. А может быть, это как раз и есть жакинская машина? Хотя Лариса не помнила, чтобы у мужа был знакомый с такой фамилией. Да еще настолько знакомый, чтобы давать ему свою машину напрокат. Одним словом, все равно нужно было ехать к этому Жакину и все выяснять непосредственно у него.

Однако, позвонив предварительно ему домой, Лариса услышала детский голос, сообщивший, что папы нет дома. Ухватившись за то обстоятельство, что телефонную трубку снял ребенок, а не жена, Лариса попробовала выяснить, где работает папа, понимая, что от жены такой информации вряд ли добьешься.

– Папа работает в поликлинике, – простодушно ответил голосок. – Он врач главный...

– А в какой поликлинике? – с надеждой спросила Лариса.

– В девятой, это далеко, он на машине ездит, – поведало дитя.

В городе была только одна девятая поликлиника, без всякого уточнения, поэтому Лариса не стала выпытывать у ребенка дополнительных сведений, решив, что ей вполне хватит знания имени-отчества-фамилии интересующего ее человека, а также его должности.

Взяв свою сумочку, Лариса вышла из кабинета, заперла его и отправилась в девятую поликлинику. Находилась та и впрямь далековато, к тому же в довольно высоком горном районе, тем не менее Лариса была там уже через двадцать минут. Оставив машину во дворе, она прошла внутрь здания и сразу же направилась в регистратуру.

– Простите, а где я могу увидеть Александра Владимировича Жакина? – обратилась она к сидящей за стеклом девушке.

– Он должен быть в своем кабинете, на втором этаже, – пояснила та. – Сразу увидите табличку – главный врач.

Лариса поблагодарила и стала подниматься на второй этаж, радуясь тому, что в медицинских учреждениях практически не задают вопросов, по какому поводу нужен тот или иной врач – почти все принимают за само собой разумеющееся, что перед ними потенциальный пациент. Только вот как объяснять свой интерес к Жакину ему самому, она пока еще не знала и надеялась определить это в ходе беседы.

На втором этаже ее, однако, ждало разочарование – дверь с табличкой «Главный врач» оказалась заперта. Ларисе ничего не оставалось делать, как присесть на один из стульев у стены и ждать.

Она просидела минут двадцать; мимо нее туда-сюда проходили люди в белых халатах, однако мужчин среди них не было и никто не отпирал нужную дверь. Наконец она увидела приближавшуюся из другого конца коридора пару. Высокий, очень полный мужчина в очках, в белой шапочке на голове, идущий вперевалочку, что-то говорил идущей рядом с ним молодой девушке в голубом халате. Когда они приблизились, Ларису неприятно удивила сюсюкающая манера разговора мужчины:

– Людочка, приготовьте мне, пожалуйста, кофе. Только покрепче, хорошо?

– Хорошо, Александр Владимирович, – с готовностью ответила девушка и простучала каблучками в конец коридора.

Александр Владимирович принялся отпирать дверь кабинета, Лариса встала и подошла к нему.

– Вы ко мне? – отдуваясь, спросил он, прищепывая пухлыми губами.

– Да, к вам, – кивнула Лариса.

– Через минуточку заходите, хорошо? – раздувая и без того пышные щеки, попросил главный врач и, неуклюже пятясь и поворачиваясь, чтобы протиснуться в дверь, скрылся в кабинете. Однако через минуточку в кабинет прошагала Людочка с чашкой горячего кофе. Александр Владимирович, конфузливо улыбаясь и шутливо разводя полными руками, попросил заглянувшую следом в кабинет Ларису подождать еще пяток минуточек. Когда они истекли, он наконец сообразовал ее принять.

– Садитесь, пожалуйста, – сложив пухлые губки бантиком и сглатывая слюну, предложил он, показывая на стул напротив своего стола.

Стол у Александра Владимировича был очень массивным; кроме того, сам он сидел не на стуле, а в кресле, тоже довольно большом, но и оно, кажется, с трудом выдерживало круп-

ные габариты доктора. У Жакина были маленькие, заплывшие жиром серые глазки, казавшиеся еще меньше из-за круглых очков, колпак свой он снял, обнажив редееющие каштановые волосы, давно не стриженные и в беспорядке торчавшие на голове. Присмотревшись, Лариса обнаружила, что лицо у него довольно молодое, седых волос абсолютно нет и что ему никак не больше тридцати восьми, хотя на первый взгляд можно дать и все пятьдесят. Такое впечатление возникало в первую очередь из-за его избыточного веса, в результате чего он страдал одышкой и обладал тяжелой переваливающейся походкой, что здорово его старило. Он выглядел образцом добродетели и нравственности. Мысль о том, что этот внешне добродушный и безобидный с виду гора-человек мог изнасиловать несовершеннолетнюю девочку, показалась Ларисе абсолютно нереальной, и она уже подумала, что зря сюда пришла. Но раз уж пришла, то нужно задать соответствующие вопросы хотя бы для очистки совести.

– Слушаю, слушаю, – говорил Александр Владимирович как-то печально, возясь в кресле и пытаясь усесться поудобнее.

– Александр Владимирович, какая у вас машина? – в лоб спросила Лариса.

Жакин удивленно захлопал ресничками, зашлепал губами и поднял на Ларису растерянный взгляд. Вид у него был как у ребенка, которому неожиданно, безо всякой на то причины сказали, что сейчас он пойдет в угол вместо того, чтобы смотреть телевизор.

– То есть как... То есть что значит какая... – закудахтал он.

– Ну, марка какая? И цвет? – продолжала уверенно спрашивать Лариса.

– Ну... «Шевроле», – пожав плечами, как-то обиженно ответил Жакин. – А что? Что-то случилось с моей машиной? Или вы по поводу той аварии? Так там же все... так сказать... улажено. И претензий никто не предъявляет, я, так сказать, конфликт этот сразу замаял, так что...

Жакин говорил очень быстро, шепелявя и отдуваясь при этом, что очень плохо отражалось на его дикции. Кроме того, его присюсюкивающая манера, а также в избылии выделяющаяся слюна делали речь совсем невнятной, и Ларисе приходилось очень напрягать слух, чтобы понять, что хочет сказать этот губошлеп.

– Вы сегодня на ней? – спросила она.

– Да... – вконец растерялся главный врач. – А что такое, что происходит? Вы уж объясните мне, пожалуйста, а то знаете, как-то... так сказать... неожиданно все.

«Значит, Котов взял машину не у него», – ответила на один из своих вопросов Лариса, а вслух сказала:

– Ничего страшного. Дело в том, что идет проверка людей, имеющих красный автомобиль «Шевроле». Вы просто один из этого списка, вот и все. Если вы не знаете за собой никаких грехов, бояться вам нечего. Верно?

– Простите, простите, – шепелявя, зачмокал губками Жакин. – А вы, собственно, кто? И что это, так сказать, за проверка, позвольте узнать? Вы из милиции?

– Нет, я из другого ведомства, – почти не соврала Лариса, думая, что, если Александр Владимирович потребует у нее документы, ей придется признаться, что она всего лишь частное лицо. А это значит, что он запросто может просто выставить ее из кабинета и отказаться отвечать на вопросы вообще. Такое с ней уже бывало. Но что еще можно было сделать в такой ситуации? Не пользоваться же липовыми документами сотрудника милиции!

– Вы простите, я всегда рад оказать... так сказать... содействие, но... Я не знаю, чем, собственно, я могу помочь? Я вам, кажется, уже ответил?

– Да, ответили на первый вопрос, – согласилась Лариса. – Но у меня тогда возникает следующий. Не можете ли вы припомнить, где были двадцать восьмого мая этого года?

Лариса заметила, как Жакин начал покрываться красными пятнами, пока постепенно не стал совсем пунцовым. Рот его стал еще более округлым и пухлым и горел на лице вишенкой.

– А что, собственно... А почему, собственно... – шлепанье губами стало совсем невнятным, а глазки виновато забегали из стороны в сторону.

«Неужели я на верном пути? – внутренне удивилась Лариса. – Неужели внешность может быть такой обманчивой? Почему он так нервничает, если ни при чем?»

– Александр Владимирович, я же говорю, что это обычная проверка, – постаралась подбодрить его Лариса и даже улыбнулась. – Скажите только, где вы были, и дело с концом! Я запишу эти сведения и отстану от вас.

– Но я, так сказать... Не помню совершенно, где я был, – заморгал глазками Жакин. – Это же было бог знает когда, разве я могу помнить...

На губах его пенкой выступили слюни.

– Ну, давайте попытаемся вместе, – пришла ему на помощь Лариса. – Это было воскресенье, вы наверняка не работали. вспомните какую-нибудь запоминающуюся дату, ближайшую к этому дню, и попробуйте, отталкиваясь от нее, восстановить события.

Александр Владимирович раздул щеки, потом выдохнул воздух и сокрушенно покачал головой.

– Нет, не помню! – почти умоляюще проговорил он. – Ну, хоть убейте – не помню. Вы уж простите меня, – он снова начал широко улыбаться, видимо, успокаиваясь. – Что поделаешь, что поделаешь, столько времени прошло... Если я вдруг что-то вспомню, я, конечно же, сообщу, если, конечно же, вы мне оставите ваши, так сказать, координаты...

Лариса, поняв, что продолжать разговор не имеет смысла, поскольку Жакин в этом случае свернет его сам, вздохнула и поднялась, сказав на прощание главному врачу:

– Вам перезвонят. Или вызовут. А пока извините.

Ларисе не хотелось оставлять Жакину свой телефон, по номеру которого он мог легко вычислить, кто она такая, а ей это пока было совсем не на руку. Жакин произвел на нее двойственное впечатление. Одно было несомненно – он помнит, где был в конце мая, но почему-то скрывает это. Нужно выяснить, по крайней мере, ходил ли он в тот период на работу. Желательно бы пообщаться еще с кем-то из его окружения, но с кем?

Подумав немного, Котова пришла к выводу, что вряд ли кто-то из сотрудников поликлиники предоставит ей какую-то информацию насчет своего главного врача. Тем более вряд ли с ней захочет говорить жена Жакина, да и вообще кто-либо из его близких. А посему Ларисе ничего не оставалось делать, как вновь отправиться просить помощи у Карташова.

Олег Валерьянович, выслушав Ларису, на сей раз досадливо крикнул и почесал в затылке.

– Итак, ты предлагаешь мне заняться проверкой уважаемого человека, главного врача, лишь на том основании, что парализованная девушка – проститутка, заметим, – пардон, обоссалась при виде его машины. Причем даже неясно, при виде его ли машины она, еще раз пардон, обоссалась.

Подполковник Карташов нечасто имел основания насмеяться над Ларисой и уличать ее в неадекватности действий. Поэтому данный случай он решил использовать на полную катушку своего таланта сатирика.

– Но у его машины смято крыло! – попробовала убедить Карташова Лариса.

– Ну и что? – пожал плечами подполковник. – Она же испугалась машины, а не помятого крыла. И потом, где гарантия, что ее изуродовал кто-то на красной машине? Она могла испугаться и по другому поводу.

– Но что-то ведь нужно делать! – воскликнула Лариса. – Почему не постараться выяснить хотя бы, где он был в тот период, когда с Лелей все это случилось?

– А как ты будешь это выяснять? – хмыкнул Карташов. – Еще раз повторяю – на каком основании? Он же сам тебе сказал, что не помнит! И может твердить это сколько угодно, и никто не имеет права ему сказать – придется вспомнить. И даже я не имею.

– Хорошо, – сбавила тон Лариса. – Ты можешь хотя бы поручить кому-нибудь узнать, был ли в тот день Жакин на работе? Это, я думаю, совсем не будет сложно для сотрудников твоего ведомства. И нисколько не скомпрометирует этого добропорядочного толстяка.

Карташов задумчиво поскреб голову. Потом в глазах его Лариса заметила промелькнувшую искорку, что-то вроде хитринки.

– А ведь это мысль, – хохотнул он.

– Чего ты? – не поняла Лариса.

– Да есть у меня тут один молодой лейтенант, – поделился Олег Валерьянович. – Так и рвется в бой, как конь ретивый. Вот я ему и поручу, посмотрим, как справится. А то, если честно, он уже достал меня своей жаждой подвигов и славы. Сейчас я его вызову.

Явно повеселев, подполковник снял трубку телефона и, подмигнув Ларисе, серьезно сказал в нее:

– Гунина ко мне, срочно!

Буквально через минуту в кабинет порывисто зашел молодой, но уже лысоватый лейтенант с чрезвычайно серьезным выражением на лице.

– Слушаю, товарищ подполковник! – отчеканил он.

– В общем, так, Гунин, – небрежно бросил Карташов. – Есть тут один толстячок, главврач... Жакин его фамилия. Есть подозрение, что он извращенец и уродует молодых девушек. Надо его проверить, где он был в конце мая. А если выяснишь, где он был конкретно двадцать восьмого, вообще будешь молодец.

– Понял! – отрубил Гунин. – Разрешите идти?

– Подожди, – остановил его Карташов. – Куда ты пойдешь-то? Хотя данные запиши... Этот толстяк работает в девятой поликлинике, зовут его Жакин Александр Владимирович, у него красный «Шевроле». Он мнется, ничего не говорит, где был двадцать восьмого мая, хотя явно нервничает при этом. Есть подозрение, что что-то скрывает...

– Выясню, – с железобетонной уверенностью отрапортовал Гунин. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Карташов.

Гунин щелкнул каблуками, и Лариса невольно представила, как он сейчас гаркнет во всю мощь «Служу России!». И еще она представила, с какой въедливой дотошностью и безапелляционностью Гунин будет давить на захлебывающегося в оправданиях несчастного слюнтяя Жакина.

Она поблагодарила Карташова за помощь и отправилась домой. Сегодняшний день ее оказался довольно насыщенным, и Лариса мечтала поскорее отдохнуть.

Глава 3

Итак, первую версию можно частично считать отработанной. Оставалось только ждать результатов проверки Жакина. Но Лариса не хотела сидеть сложа руки и считала нужным пока заниматься разработкой других версий.

У нее была возможность продолжать знакомство со всеми остальными владельцами красных «Шевроле», отбрасывая их кандидатуры одну за другой, но занятие это представлялось малопродуктивным и обременительным в смысле времени. Другое дело – Святский. Этот человек обнаружил Лелю, следовательно, является главным свидетелем в деле. И с ним просто необходимо встретиться. Поэтому свой следующий день Лариса начала с посещения его дома. Она не оставляла надежды застать его там и задать несколько вопросов.

В первую минуту, когда Лариса приехала туда, где в прошлый раз ее ждала неудача, она почувствовала, что эта неудача снова ее настигает. За дверью убогого домика стояла гробовая тишина. В этот раз не было соседок, и Ларису этот факт скорее обрадовал – не будет лишних разговоров и ненужного любопытства.

Лариса продолжала стучать уже без особой надежды на успех. Вдруг за дверью послышались шаркающие шаги, и хриплый, пропитой голос пообещал:

– Сейчас, сейчас, иду...

Ларисе показалось, что голос был несколько суетлив и даже подобострастен. На основании этого интуитивного чувства она решила избрать тактику напора и натиска.

Как только дверь приотворилась, на пороге возник всклокоченный человек невысокого роста с землистого цвета круглым лицом. У него были маленькие, слегка раскосые глаза выцветше-голубого цвета. Он был почти совсем седой и выглядел лет на шестьдесят.

– Здравствуйте, Виталий Георгиевич! А я к вам, – с ходу звонко заявила Лариса и, не дожидаясь приглашения от хозяина, переступила порог.

– Здрас-сьте, – удивленно прошипел хозяин, обнажая в неопределенной улыбке оставшиеся зубы и одновременно распространяя вокруг зловонный запах, дошедший и до Ларисы.

Котова безошибочно определила состояние Святского как похмельный синдром. Впрочем, судя по всему, синдром этот он испытывал постоянно. Гостям, безусловно, Виталий Георгиевич рад не был – синдром обязывал, – но на этот счет у Ларисы был неопровержимый аргумент в виде той самой бутылки водки, которая лежала у нее в пакете и ждала своего часа.

– Это... Вы кто?.. По поводу Зинки, что ли? – скороговоркой выдохнул Святский не очень членораздельно, вскинув на Ларису мутный прищуренный взгляд.

И добавил, теперь уже тыча ей в грудь длинным ногтем с траурной каймой и быстро и отрывисто произнося каждую фразу пропитым высоким тенорком:

– Это... Так она... Здесь больше не живет. Я ее... так сказать, удалил, – и Святский попытался рукой изобразить решительный жест, свидетельствующий о том, что выгнал он Зинку с треском, по-мужски, и полностью исключал возможность ее возвращения сюда в любом качестве.

– Я не по поводу Зинки, – четко ответила Лариса, улыбнулась краешком губ и вытащила из пакета бутылку водки.

Эффект был ошеломляющим: взор Святского вдруг прояснился, на лице появилась какая-то ухмылка, и он попытался изобразить максимум светского гостеприимства. Подбоченясь и гордо задрал голову, он небрежным движением выбросил правую руку вверх и как-то даже вальяжно произнес:

– Проходите... Сейчас все... организуем, все будет по высшему классу... Как, говорится, в лучших домах Филадельфии...

– Вы там бывали? – осведомилась Лариса, проходя внутрь убогого жилища Святского и рассматривая обстановку.

Атмосфера в доме была мрачной: потолки давно, видимо, протекали и все были покрыты мутными разводами; в углах висела паутина, стены разнились между собой тем, что две из них были обклеены старыми ободранными обоями непонятного цвета, одна покрашена масляной краской, тоже, видимо, немало лет назад, так как краска во многих местах облупилась, а четвертая стена и вовсе была оклеена пожелтевшими газетами, вероятно, для нее в свое время не хватило либо обоев, либо желаний.

Набор мебели в комнате господина Святского был минимальным – деревянный стол посередине, два стула в разных концах комнаты, комод и шкаф. Что находилось в соседней комнате, Лариса не видела, так как вход в нее был закрыт линиями занавеской, имевшей некогда малиновый цвет.

Лариса с отвращением вдыхала «аромат» тухлой капусты, которым был пропитан весь дом. Хозяйки здесь явно не чувствовалось.

– Нет, не приходилось, – тем временем ответил Святский, суетливо хлопоча возле стола, сметая с него крошки, убирая грязную посуду. – Но в Америке бывал.

– Вот как? – удивленно приподняла брови Лариса.

– Да... – гордо поднял голову Виталий Георгиевич. – Я же разведчик... Бывший...

Этим он добил Ларису окончательно. Впрочем, главные потрясения были еще впереди. Святский неожиданно откинул голову назад, усмехнулся и, насмешливо глядя на гостью маленькими глазками, произнес по-английски без единого намека на русский акцент:

– Хай, май лэди! Тэйк ит изи! Иф ю уонна дринк, ю хэв ту ду ит райт нау!

Лариса неважно понимала английский, но по жестам Святского поняла, что хозяин приглашает ее к столу и подтверждает, что сейчас пьянка будет организована по высшему классу.

– Ну, что? – перешел Святский на русский, весьма довольный произведенным эффектом. – Вот так...

Лариса не стала торопить события и расспрашивать, а выставила бутылку на стол вместе с закуской. Она уже поняла, что Святский относится к типу алкоголиков-хвастунов и болтунов. Это было ей на руку. К тому же она рассчитывала, что бутылка сделает его более разговорчивым.

Взгляд Святского на гастрономические прелести, доставленные из ресторана Ларисы, был скептическим, чем немало поразил ее. Это был взгляд рафинированного английского лорда, которого занесло волею судьбы в маленькую шотландскую деревню, где он был вынужден довольствоваться скромным крестьянским обедом.

Выпив первые пятьдесят граммов, он крякнул, причмокнул и тут же начал быстро-быстро говорить, презрительно вытянув губы трубочкой:

– Эта колбаса ненастоящая... Я вам точно говорю. Вот в Москве, еще тогда, при социализме, в одном посольстве я ел сервелат. Отличный сервелат, отличный! Сейчас такого нет. Настоящий, твердый, его чистить не надо было.

– А вот салат попробуйте, Виталий Георгиевич, – подвинула Лариса пластмассовую тарелку.

– Оливье, – с видом знатока резюмировал Святский. – Самое лучшее оливье делают во Франции.

– Вы и там были?

– Приходилось, – кратко ответил Святский. – Где только не бывал... Это сейчас все развалилось, все ушли кто куда. А я вот... На пенсию вышел по возрасту, а раньше был переводчиком в КГБ. Бывало, вызовет меня Роман Абрамович, полковник, и говорит: «Виталь, дело есть одно, сложное. Никто, кроме тебя, не справится. Там нужно английский знать досконально». Я говорю – ну проблем, тэйк ит изи! Меня сразу – в самолет, завтра я на месте, обед,

виски, лейтенант честь отдает... Чай, кофе «Арабика» настоящий. Нормально? – спросил он и тут же сам себе ответил: – Нормально... Возвращаюсь – Роман Абрамыч говорит: «Молодец!» Открывает ящик, достает конверт, говорит – бери! Я беру, раскрываю, а там – пятьсот... Нет, семьсот... баксов. Вот так! Это еще тогда было, при советской власти...

– А что же вы делали? – решила спросить Лариса, удивленная рассказом хозяина убогого жилища.

– О-о-о! – поднял палец вверх Святский и ухмыльнулся. – Об этом я до сих пор говорить не могу. Секретность... Сорри.

Котова понимающе кивнула и подлила водки в стакан бывшего разведчика. Она видела, что ему самому до смерти хочется продолжить рассказы о своем боевом прошлом и что он только ломается и тянет время, набивая себе цену. Святский опрокинул еще одну рюмку и, придвинувшись к Ларисе, доверительно сказал, оттопырив нижнюю губу:

– Вы – умная женщина! Сразу видно, умная. С вами можно откровенно говорить. Я... разведчик. Не говорю с первым попавшимся, а вы, я вижу, нормальный человек. Вас как зовут?

– Лариса, – коротко ответила Котова.

– Чем занимаетесь? – отрывисто спросил Святский, в котором неожиданно проснулись его профессиональные рефлексy – если, конечно, он не врал насчет своего прошлого.

Лариса внутренне отметила, что он допустил непростительную ошибку с точки зрения разведчика, как-то: пустил ее в дом, не выяснив, зачем она пришла, как ее зовут, и первым начал пить водку. Это означало, что он либо врал, либо после того, как его выгнали из разведки за пьянку, он полностью утратил все навыки разведчика. Во всяком случае, бдительность у него здорово притупилась.

– Я директор ресторана, – честно призналась Лариса.

Святский удивленно поднял брови, но тут же принял снисходительный вид, продолжая играть свою роль.

– О, вы настоящая леди! С вами можно иметь дело. В Италии я был знаком... близко, – несколько кокетливо уточнил он, – с одной хозяйкой таверны. Ее звали Стефания. Я как-то приехал... Дверь открыта немного... была. Она стояла у окна. Я подхожу, обнимаю ее. Она говорит: «Виталий, ты, что ль?» Я говорю: «Я!» Вот так она меня узнала! – с победным видом закончил Виталий Георгиевич, хотя Лариса так и не поняла, к чему он рассказал ей этот эпизод.

– А все же, Виталий Георгиевич, насчет Зинки...

– Да! – щелкнув пальцами, тут же согласился бывший разведчик. – Сейчас насчет Зинки. Она... безграмотная женщина. Совершенно безграмотная! Никакой культуры, никакого образования. Просто плебейка. Надо сказать, не только у нас такие есть. Меня как-то Роман Абрамыч вызывает... показывает письмо... – Виталий Георгиевич сделал многозначительную паузу. – Серьезное письмо. Оно должно было в Танзанию уйти... По дипломатическим каналам. Он мне говорит – прочти, Виталь, скажи свое мнение. Ну, я прочитал... – Святский выдержал паузу и категорически рубанул рукой воздух: – Там все неправильно! Я ему говорю – кто писал? Он говорит – выпускница факультета иностранных языков. Я ему говорю – никуда не годится! Давай ее сюда. Он кнопку нажимает, она приходит... Он ее давай песочить. Я говорю – тэйк ит изи, ноу проблем! Садись! Пиши! Учись! – Святский при каждом отрывочно произнесенном слове выбрасывал вперед кисть правой руки. – Она села... Написала, я проверил – все правильно! Я Роману Абрамычу говорю – бери! Посылай! Все будет о'кей! Вот такие безграмотные женщины после института! А вы говорите, Зинка... Она кулинарное училище и то не закончила.

Лариса, порядком утомленная бессмысленным хвастовством отставного разведчика-переводчика, решила наконец перейти к делу.

– Меня интересует Зинка лишь в связи с тем, чем она зарабатывала на жизнь. Она где-нибудь работала?

– Она вообще не любит работать. Вообще! Тунейдка, – развел руками Святский. – И мать у нее такая же.

– Значит, не работала, – кивнула Лариса. – И у меня есть сведения, что она в последнее время исполняла функции сутенерши. Это верно?

Святский вдруг вскочил со стула и как-то суетливо и нервно забегал вокруг стола.

– А я-то, я-то при чем? – спросил он, останавливаясь прямо перед Ларисой. – Я ей сразу сказал – будешь этим заниматься, выгоню! Сразу выгоню! Она не поняла. Я и выгнал. Выгнал! – твердо повторил он, стукнув себя кулаком в грудь. – Вот так! У меня... разговор короткий. Не нравится – иди! Живи где хочешь!

– Никто вас ни в чем не обвиняет, Виталий Георгиевич, – поспешила успокоить разволновавшегося отставника Лариса. – Меня интересует даже не Зинка, а девушки, которых она сюда приводила. А особенно одна девушка. И вы должны ее знать.

После этих слов Лариса достала из сумочки фотографию Лели и протянула Святскому. Тот взял ее, выпятив нижнюю губу, и всмотрелся в изображение. При этом рука его дрогнула.

– Так вы знаете ее? – после паузы спросила Лариса.

– Да, – коротко ответил Святский, возвращая ей фотографию. – И в милиции знают. Мне скрывать нечего. Человек я честный. Чего мне скрывать?

– Тогда расскажите мне, что вам известно о трагедии, произошедшей с этой девушкой.

– Не буду! – неожиданно отрезал Святский и надулся.

– Почему? – удивилась Лариса.

– Да потому что ничего я больше не знаю и знать не хочу! Все, что знал, давно рассказал!

– Но я же не из милиции, – попробовала убедить его Лариса. – Я же не в курсе, что вы им там рассказывали.

– А вам это зачем? – задал наконец Виталий Георгиевич вопрос, который, по идее, должен был задать сразу.

– Дело в том, что я тетка Лели Величкиной, – в первый раз за время беседы соврала Лариса. – И хочу узнать, кто сделал это с моей племянницей. Поэтому очень прошу вас помочь, поскольку вы как человек интеллигентный должны понимать, что это просто варварство и самое настоящее злодейство.

– Да, – коротко кивнул Святский, польщенный тем, что его причислили к интеллигентным людям. – Да. Вы правы. Вот у нас в разведке такого не допускали. Много случилось – но такого не было. Не было! Вы правы. Варварство. Но... я ничего не знаю. Чем могу помочь? Не знаю. Все, что знал, давно рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.